

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В
ОТНОШЕНИИ ПРОТЕСТАНТОВ В 1903–1917 ГОДАХ**

О.В. Безносова

Статья посвящена изучению конфессиональной политики имперского правительства в отношении протестантов после революции 1905–1907 гг. Автором показываются общие особенности этой политики и её реализация. На основе архивных источников автор доказывает, что после 1910 г. в политике происходит фактическое сокращение религиозной терпимости.

Ключевые слова: Российская империя, конфессиональная политика, баптисты, меннониты, адвентисты, евангельские христиане, революция 1905–1917 гг., антигерманская кампания, толерантность, свобода совести

Исторический опыт свидетельствует, что религия играет важную роль в жизни как отдельных людей, так и гражданского общества и государства в целом. Поэтому так важна выработка взвешенной и толерантной политики в отношениях между государством и религиозными общинами разных конфессий, а полное представление о прошлых ошибках и достижениях есть необходимое условие для того, чтобы избежать возможных трудностей в данной сфере. В этом смысле представляется интересным исследование влияния внутренней обстановки в государстве (Российской империи), которое было объединено в своеобразный симбиозный организм с церковью (Русскою православною церковью – далее РПЦ), на принципы конфессиональной политики этой державы. Прежде всего, это касается периода 1903–1917 гг., в течение которого конфессиональная политика претерпела значительные изменения.

Хотя общие черты конфессиональной политики царского правительства в тот период уже нашли свое освещение в трудах по истории отдельных конфессий в Российской империи¹, есть ряд аспектов, которые еще до сих пор остаются вне внимания исследователей. В частности, до сих пор нет обобщающего исследования конфессиональной политики как целостного явления и одного из важных направлений внутренней политики. Также еще недостаточно изучены методы вмешательства власти в жизнь отдельных конфессий и формы ее контроля (с помо-

¹ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989; История евангельско-баптистского движения в Украине. Материалы и документы / Сост. С. И. Головащенко. Одесса, 1998; *Курило О.В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.). М.; World Wide Printing, 2002; *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М.; World Wide Printing, 2003; *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001; *Любащенко В.И.* История протестантизму в Україні: Курс лекцій. Львів, 1995. (Міжнародний фонд «Відродження»: Трансформація гуманітарної освіти в Україні); *Савинский С.Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917 гг.). СПб, 1999; и др.

щью полиции) над жизнью религиозных общин, не смотря на то, что существуют достаточно презентативные комплексы документов политической полиции (жандармерии) империи, практически еще не обработанные исследователями. Таким образом, в данной статье будет предпринята попытка анализа государственной политики Российской империи в религиозной сфере в отношении протестантов разных конфессий.

В начале XX в. стало окончательно ясно, что в Российской империи разрешение многочисленных социально-политических и культурных проблем уже невозможно только с помощью запретов и репрессий. В условиях крайнего обострения внутривластной ситуации правительство вынуждено было срочно искать пути сглаживания социальных противоречий и конфликтов. Одной из таких проблем, которая активно обсуждалась в обществе, был вопрос изменений в курсе конфессиональной политики империи, необходимость введения свободы совести, слова и собраний, реформирования Русской православной церкви и т. п. Для того чтобы хоть как-нибудь сбить колоссальный рост внутреннего напряжения в стране на фоне трагических событий русско-японской войны, 26 февраля 1903 г. был издан манифест о намерениях правительства начать пересмотр законов о правах раскольников и сектантов в сторону улучшения их положения². Так, ранее «переход лиц, принадлежащих к одному из инославных христианских исповеданий, в другое таковое же» разрешался только решением высших органов их конфессий, которое должно было утверждаться лично министром внутренних дел. 19 апреля 1904 г. было обнародовано Мнение Государственного совета, лично утвержденное царем, согласно которому эти переходы могли разрешить губернаторы³. Для реализации этого документа 5 июля 1904 г. за № 3950 Министерством внутренних дел (далее – МВД) был направлен губернаторам соответствующий циркуляр, в котором была подробно прописана процедура исполнения данного законоположения⁴.

12 декабря 1904 г., под давлением общественного мнения и требований введения демократических свобод вышел именным указ Сенату «Об усовершенствовании общественного порядка», в котором правительство обещало провести закон о веротерпимости⁵. Таким образом, планируемые изменения должны были коснуться только тех последователей иностранных исповеданий, которые не были выходцами из православия. Также они должны были не затронуть положения и самой Православной церкви, продолжавшей пребывать под опекой и мелочным контролем государства.

В тот же самый день 12 декабря 1904 г. было издано Положение Комитета министров о немедленном прекращении действия взысканий, принятых в административном порядке по делам «религиозного свойства». При Комитете министров была создана специальная комиссия для пересмотра узаконений о правах старообрядцев и сектантов. В этой комиссии немало говорилось о неуместности вмеша-

² Савинский С.Н. Указ. соч. С. 248.

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительствующего Сената. 11 мая 1904 г. № 76.

⁴ Извольский П. Справка к представлениям министра в д. о свободе веры // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины ім. В. Вернадського. Ф. XIII. Спр. 6183. С. 7–8.

⁵ Правительственный вестник. 1903. № 46. 27 февраля.

тельства гражданской администрации в дела веры, о вреде насильственных мер против инакомыслящих⁶.

В виду таких событий представители преследуемых в империи исповеданий перешли к более активным действиям, надеясь в общем потоке социально-политических изменений добиться легального статуса для своих религиозных общин⁷. Наиболее смелый и решительный шаг в данном направлении сделали евангельские христиане-баптисты, председатель Союза которых, И.С. Проханов, 8 января 1905 г. подал в МВД «Краткую записку о возникновении, развитии и о настоящем положении евангельского движения в России и о нуждах евангельских христиан (известных в общежитии под различными народными кличками пашковцев, баптистов, новомолокан и т.д.)», к которой прилагались в копиях 22 официальных документа, свидетельствовавших о преследованиях сектантов – выходцев из православия⁸.

С 25 января по 1 марта 1905 г., в обстановке уже начавшейся революции, Комитет министров провел шесть заседаний о порядке выполнения указа от 12 декабря 1904 г. В их работе принял активное участие митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), решительно выступивший за проведение реформ внутри самой Православной церкви. После долгого обсуждения Комитет предложил признать, что «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»⁹. По мнению известного баптистского историка С.Н.Савинского, в выработанных Комитетом положениях были явно учтены некоторые предложения «Краткой записки» И.С.Проханова¹⁰. Также 19 февраля 1905 г., ещё в период работы этого комитета, министрами внутренних дел и юстиции были разосланы на места циркуляры, которые предписывали губернаторам «без замедления» принять меры к устранению административных стеснений в сфере религии¹¹.

25 февраля было издано «Высочайше утвержденное положение Комитета министров об отмене ограничительных мер по изданию Священного Писания на малороссийском языке», гласящее: «Отменить ограничительные меры, установленные для издания книг Священного Писания на украинском языке, с тем, однако, чтобы на каждое такое издание испрашивалось благословение Св. Синода»¹².

3 марта 1905 г. был издан циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам, градоначальникам и оберполицимейстерам (№ 1354), который предписывал следующее: «Руководствуясь п. 6 именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату 12 декабря 1904 г., я отменяю циркулярные распоряжения бывшего Министра Внутренних Дел от 10 июня и 30 декабря 1889 г. за № 2772 и 7398 о воспрещении миссионерских празднеств и соборов, как не установленные в законе и излишние ограничения в религиозному быту лиц евангельско-лютеранского ис-

⁶ Фёдоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С.248.

⁷ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 132–133; Фёдоров В.А. Указ. соч. С. 248.

⁸ Савинский С.Н. Указ. соч. С. 248.

⁹ Фёдоров В.А. Указ. соч. С. 249.

¹⁰ Савинский С.Н. Указ. соч. С.250.

¹¹ Фёдоров В.А. Указ. соч. С. 253–254.

¹² Извольский П. Указ. соч. С. 13.

поведания». Тем не менее, далее в его тексте следовало следующее: «При этом однако считаю пояснить, что недозволение сборов, предназначенных на распространение протестантских вероисповеданий в пределах России, опираясь на ст. 4, т. XI ч. I Св. зак. изд. 1896 г., должно и на будущее время остаться в силе»¹³.

Однако нарастание революционных событий в течении 1905 г. заставило самодержавие пойти и на более существенные уступки в конфессиональной политике, ибо оно надеялось таким образом хотя бы частично снять стремительное нарастание социально-политического напряжения в стране. 17 апреля 1905 г. (пасхальное воскресенье) был обнародован именной царский указ «Об укреплении начал веротерпимости», окончательно утвердивший принцип свободы совести в российском законодательстве. Его основные положения были закреплены и расширены в одноименных Положениях Комитета министров, также утвержденных царем 17 апреля 1905 г. Эти законоположения предоставляли свободу вероисповедания всем конфессиям на территории Российской империи, право регистрации конфессиональных объединений (при наличии официально утвержденных руководителей), переходить в другие веры, принимать в свои объединения даже бывших православных с детьми до 14 лет. Было объявлено, что с момента издания манифеста прекращаются всякие гонения за веру, и каждый свободен исповедовать ту, которую считает истинной. Разрешалось объединяться в религиозные братства, строить молитвенные дома, издавать свою религиозную литературу. Упразднены были и монастырские тюрьмы, с Кавказа вернулась часть ссыльных сектантов¹⁴. Свободу вероисповедания и легальный статус получили также старообрядцы всех согласий, которых отныне запрещено именовать «раскольниками», и насильственно обращать в единоверие. Отменены статьи 188 и 189 в уголовном законодательстве, согласно которым у родителей-сектантов, заподозренных в миссионерстве, отбирались дети для помещения в православные приюты и т.п. Данные постановления были закреплены в вышедшем 17 октября 1905 г. манифесте «О даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», а затем в ст. 39 изданных 23 апреля 1906 г. «Основных законов Российской империи»¹⁵.

Законодательные акты 1903–1906 гг. в значительной степени смягчили конфессиональную политику империи и расширили религиозные права последователей неправославных исповеданий. Во-первых, отныне запрещались насильственные обращения в православие из иудаизма, мусульманства и других нехристианских религий. Правительственные чиновники получили формальное право официально менять религию. Бывшие мусульмане и представители других религий, которые были насильственно крещены, могли отказаться от православия. Те, кто перешел из иных конфессий христианства в православие в силу необходимости, могли вернуться к своей прежней вере¹⁶. 17 апреля 1905 г. Николай II издал Указ о переходах из православия в католичество, на основании которого 17 июля 1905 г. МВД утвердило специальные правила о регистрации подобных переходов¹⁷. По-

¹³ Извольский П. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁴ История евангельско-баптистского движения в Украине. С. 210; История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 133; Федоров В.А. Указ. соч., С. 254.

¹⁵ Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. // Полный свод законов. Собр. 3. СПб, 1907. Отд. I. Т. 25. № 26803.

¹⁶ История евангельско-баптистского движения в Украине. С. 207.

¹⁷ Лиценбергер О.А. Указ. соч. С. 165.

добные же правила были разработаны и утверждены циркуляром МВД от 18 июля 1905 г. за № 4628 и для других христианских исповеданий¹⁸. На их основании каждый желающий покинуть православие должен был подать письменное заявление губернатору о желании перейти из православия в другое исповедание (или быть зарегистрированным как последователь его по новому месту жительства). К нему прилагались свидетельство или метрическое свидетельство (для детей) о принадлежности к данному исповеданию, подписанное соответствующим духовным лицом. После этого проситель должен пройти увещание у православного миссионера, получив об этом письменное заключение¹⁹. После приписки нового верующего в приходе (или общине), вносились исправления и в гражданские документы (паспорта, посемейные списки и др.).

Многие не замедлили воспользоваться предоставленным правом. Так, с 1 апреля 1905 г. до 1 января 1909 г. из православия в различные исповедания вышло 308758 чел., из которых в польских, северо-западных, юго-западных и белорусских губерниях перешло в католичество 167957 чел.²⁰, из которых многие были бывшими униатами. Кроме того, по данным епископа Тираспольской²¹ римско-католической епархии И.А. Кесслера (1862–1933), после опубликования Указа 17 апреля 1905 г. ряды его паствыполнили более двух тысяч православных, объявивших себя католиками²². Также 49799 насильственно крещённых татар и башкир вернулись в ислам, а 12 068 чел. в Прибалтике - в лютеранство. Уже к концу июля 1905 г. выходы из православия приняли такие масштабы, что 8 августа 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин разослал на места секретный циркуляр, предписывающий негласно «приостановить переходы в иные веры»²³.

Значительную роль законодательные акты 1903–1906 гг. сыграли и в судьбе нецерковных христианских конфессий (меннонитов, баптистов, адвентистов и евангельских христиан всех направлений и национальностей). Признав право на существование старообрядцев после 250 лет преследований и гонений, правительство пошло на уступки и тем, кого в официальных документах и быту именовали «сектантами».

На основании Указа 17 апреля 1905 г. в утверждённом царем 25 июня 1905 г. Положении Комитета министров были изложены «Правила для перехода лиц, числящихся православными, в иные христианские исповедания и вероучения». Отныне единственным основанием для выхода из православия и присоединения к любой другой христианской вере объявлялось личное заявление верующего, без получения предварительного разрешения на этот шаг со стороны духовной или гражданской власти. 18 августа 1905 г. было издано специальное циркулярное распоряжение МВД за № 4628, согласно которому для выхода из православного исповедания в другое христианское было достаточно подать заявление местному губернатору (в личную приемную или через местную административно-полицейскую власть). Для подобных документов был разработан специальный бланк-анкета, который заполнялся лично каждым, желающим перейти в другую

¹⁸ Лиценбергер О.А. Указ. соч. С. 166.

¹⁹ Державний архів Дніпропетровської області. Ф. 20. Оп. 1. Спр. 52, 946, 999.

²⁰ Фёдоров В.А. Указ. соч. С. 254.

²¹ Охватывала территорию Юга Российской империи от Бессарабии до Волги. Епархиальный центр находился в тот период в г. Саратов.

²² Лиценбергер О.А. Указ. соч. С. 166.

²³ Фёдоров В.А. Указ. соч. С. 254–255.

христианскую конфессию и где содержались его полные биографические данные. Губернатор должен в течение месяца известить местное как православное, так и инославное начальство о поступившем заявлении. После получения соискателем отметки о прохождении официального увещевания со стороны православного духовенства (носившем в те годы сугубо формальный характер) заявление вновь подавалось на рассмотрение губернатору. Со своей же стороны, он поручал чиновникам своего аппарата проверить информацию, сообщенную в анкете. В случае если она была неправдивой или же отсутствовало письменное согласие пресвитера какой-либо общины соответствующей конфессии о немедленном принятии нового члена в их ряды, просьба отклонялась. При благополучном разрешении дела о совершившимся присоединении инославное начальство должно было письменно известить губернатора, который, в свою очередь, должен довести этот факт до ведома православного духовенства²⁴.

Дальнейшую регламентацию жизни нецерковных христианских общин закрепили правила, установленные именованным Указом от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях, входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», которых между собой фактически уравнивали в правах. Таким образом, эти два указа дали право легализации, пусть даже при существенных ограничительных условиях, общин протестантов всех национальностей и конфессий. Согласно их положениям, для регистрации общины необходимо было избрать наставника (пресвитера), кандидатура которого утверждалась лично губернатором. Верующие, желающие организовать новую неправославную общину, должны были подать губернатору или губернскому правлению также заявление, подписанное не менее чем 50 лицами-учредителями, достигшими 25 летнего возраста. Право голоса на общих (деловых) собраниях «Правил» также предоставляли только лицам старше 25 лет, в то время как, согласно старинным традициям крещенцев, этим правом обладали все действительные (крещенные) члены общины, в том числе и те, кто был моложе этого возраста. Таким образом, к официальной регистрации фактически принимались только очень крупные общины-церкви и полностью лишались такого права небольшие поместные объединения. Также введено было ограничение прав общины на владение недвижимым имуществом (до 5 тыс. рублей), т. е. возможностей построения собственных культовых сооружений (молитвенных домов). На наставника общины, дававшего обязательную письменную присягу (или торжественное обещание) на верность царю и правительству, также возлагалась обязанность (как и на духовенство всех других вер и исповеданий) по ведению метрической документации общины. Однако этот аспект установленных правительством правил вызвал резкую критику среди баптистов. Регистрация актов гражданского состояния, по их представлению, была делом чисто гражданским, не имевшим отношения к духовной деятельности пресвитеров и прямо противоречило принятым в их среде традициями. Как отмечает С.Н.Савинский, «этот указ, таким образом, предоставлял слишком много власти администрации, произвольно ограничив тем самым права [рядового. – О.Б.] верующего»²⁵. Однако с другой стороны, учитывая, что согласно законодательству империи, метрическую документацию могли вести только лица духовного зва-

²⁴ История евангельско-баптистского движения в Украине. С. 210.

²⁵ Савинский С.Н. Указ. соч. С. 251.

ния (или официально утвержденные духовные наставники), правительство руководствовалось существующими на тот момент законами и своим обычным стремлением к централизации и универсализации управления. Эта все более явно проявляющаяся тенденция бюрократизации в развитии общин, идущая вразрез с традиционными принципами крещенцев обустройства их социальной жизни, всерьез пугала часть верующих. Они вполне справедливо видели в подобной политике попытку постепенного «огосударствление» их церковью, всемерной регламентации их жизни, низведения их выборных пресвитеров до уровня обычных чиновников от духовной власти, подобно православным священникам. Поэтому эти правила стали предметом бурного обсуждения на III Всероссийском съезде евангельских христиан-баптистов 15 января - 1 февраля 1907 г. в Санкт-Петербурге. В соответствии с решением этого съезда И.С. Проханов, И.В. Каргель и В.И. Долгополов составили и разослали членам правительства, Государственного совета и Государственной думы «Пояснительную записку съезда отделившихся от православия сектантов, баптистов и евангельских христиан, состоявшегося в городе Санкт-Петербурге, в январе 1907 года, о желательных изменениях в статьях правил, приложенных при Высочайшем указе 17 Октября 1906 года»²⁶. В ней обращалось внимание на указы о свободе совести (1905-1906 гг.) и вопиющие нарушения их духа и слова при практическом их осуществлении, что подтверждалось конкретными фактами. Поэтому авторы записки предлагали внести изменения в законодательство, чтобы привести его в соответствии с продекларированными в 1905-1906 гг. принципами свободы совести, слова и собраний. Тем не менее, не смотря на все ограничения, новые правила давали возможность не только легального существования, но и определенной защиты закона от разного рода злоупотреблений и преследований со стороны недоброжелательно настроенного окружения. Поэтому многие общины не преминули воспользоваться предоставленной ими возможностью.

Кроме того, хотя об этом не было сказано ни в одном законодательном акте, разрешение свободного перехода из православия в иные исповедания последователи евангельского протестантизма восприняли и как однозначное разрешение миссионерской деятельности среди православных. Наибольшую смелость в его развертывании проявили меннониты. Искренне поверив словам манифестов 1903-1905 гг. о введении свободы совести, слова и собраний, наиболее пийетистически и либерально настроенные из них, особенно из числа братских меннонитов, приняли самое деятельное участие в популяризации евангельского учения не только среди своих единоверцев, но и остального населения империи. По утверждению обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера (май 1911 – июнь 1915 гг.), ссылавшегося на информацию своего предшественника С.М. Лукьянова (февраль 1909 – май 1911), «с 1905 г. меннониты энергично занимаются распространением среди русского сектантства своих верований, с их антимилитаристическими наклонностями»²⁷. Также, благодаря тайной агентуре и перлюстрации переписки, жандармерия и полиция получала информацию о том, что студенты-меннониты в Москве и Петербурге с энтузиазмом участвовали в просветительских и миссионерских мероприятиях.

²⁶ История евангельско-баптистского движения в Украине. С. 215–220.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Особый отдел (далее – оо). Оп. 1913 г. Д. 85. Л. 235об.

тиях евангельских христиан и баптистов²⁸. Дальше всех в своей смелости и преданности делу зашли уроженцы Крыма, братья А. и Я. Крекеры и молочанец Г. Браун, которые отправились в Германию (г. Берлин) к председателю Европейского евангелического союза д-ру Ф.В. Бедкеру, и убедили его в том, что в России в новых политических условиях стала возможной работа и неправославных миссионерских организаций и групп. Поэтому было принято решение о создании в Германии специальной библейской школы для подготовки кадров миссионеров для России. Она получила название «Альянс» («Союз»), потому что здесь обучались представители разных евангельских конфессий (русские штундисты и баптисты, меннониты различных деноминаций, а также представители еврейских христианских общин)²⁹.

Всемерная активизация представителей неправославных конфессий всерьез обеспокоила правительство, тем более что уже в 1907 г., в условиях спада революции наметилась явная тенденция к ревизии её достижений. Поэтому правительство постепенно начало делать шаги к ужесточению внутренней политики, в том числе и в отношении последователей неправославных исповеданий. В 1912 г. произошел решительный переход к политике «закручиванию гаек» на основании предшествующей серьезной негласной подготовки.

Уже с 1907–1908 гг. чиновники ведомства православного исповедания и МВД начали негласный сбор информации о деятельности евангельско-христианских, баптистских и адвентистских общин. В ноябре 1909 г. Министерством внутренних дел было разослано губернским жандармским управлениям секретное предписание о сборе сведений «о числе старообрядческих и сектантских согласий»³⁰. Результаты его были доложены как в Департамент полиции, так и Синоду.

Со своей же стороны, местная государственная власть выражала недовольство «излишним» либерализмом и расплывчатостью формулировок правил перехода из православия в другие христианские исповедания. Так, например, Екатеринославское губернское правление (или сам губернатор лично) нередко отказывали прибывшим в губернию и желающим зарегистрироваться как баптисты, на том основании, что они не заручились предварительно согласием какой-либо местной баптистской (или евангельско-христианской) общины о принятии их в свои ряды. Поэтому уже 8 декабря 1909 г. Екатеринославское губернское правление предложило всем зарегистрированным в губернии общинам подать не позднее 1 января 1910 г. поименные списки их членов, а также всех желающих вступить в их ряды из православия, с указанием полных данных, а также списки всех пресвитеров и других выборных должностных лиц общин³¹. Одновременно, в связи с тем, что было немало случаев подачи в заявлениях о переходе ложных анкетных данных, Екатеринославским губернским правлением 29 декабря 1909 г. был подан рапорт

²⁸ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1909 г. Д. 85. Л. 59–59об, 116–118об.

²⁹ Там же. Оп. 1913 г. Д. 85. Л. 235об; *Раймер Й.* Евангельские первопроходцы в Кыргызстане: Из жизни и деятельность Мартина Тильмана / Сер.: Из жизни замечательных миссионеров. Logos Verlag GmbH, Lage, 1989. С. 36–42; The Mennonite Encyclopedia. A Comprehensive Reference Work on the Anabaptist-Mennonite Movement. Mennonite Publishing House, Scottsdale, Pa., 1955. In 4 Vols. Vol. 4. P. 8–9.

³⁰ Евангельское движение в Российской империи (1850–1917): Екатеринославская губерния: Сб. док. и матер. / Сост. и ред. О.В. Безносова. Днепропетровск; Штайнхаген, 2006. С. 191.

³¹ Державний архів Дніпропетровської області. Ф. 20. Оп. 1. Спр. 946. Арк. 17.

(№10001) в МВД, в котором предлагалось провести подобные мероприятия по всей империи для учета количества всех сектантов и усиления контроля за жизнью их общин³². Эту инициативу екатеринославцев правительство с превеликим удовольствием поддержало, ибо «губернская власть должна принимать для получения ее (полной осведомленности. – О.Б.) не фиктивные по осуществимости, а действительные меры, но соображенные в каждом отдельном случае с особенностями местных условий, с уровнем той среды, в которой сведения собираются, а равно с наличностью фактических руководителей той или иной сектантской группы, лишенной, за отсутствием зарегистрированной общины, официального представительства»³³.

Поэтому в рамках проведения общей политики усиления постреволюционной реакции, охранения и укрепления начал русской народности, самодержавия и церкви, уже 20 января 1910 г. министром внутренних дел П.А. Столыпиным был разослан губернаторам, начальникам областей и градоначальникам специальный секретный циркуляр о закрытии всех «инородческих... обществ, независимо от преследуемых ими целей»³⁴, под действие которого попадали не только национально-культурные просветительские украинские, еврейские, немецкие и другие подобные общества, но и религиозные образования. Так, еще осенью 1909 г. подозрение полиции попало «Гальбштадское общество юношей» (в к. Гальбштадт Бердянского у. Таврической губернии), зарегистрированное в 1909 г. по всей форме в Таврическом губернском правлении, но так и «не открывшее своих действий». При проведении в январе-феврале 1910 г. негласного расследования его деятельности выяснилось, что «действия» таки были открыты и состоят они в проведении «негласных библейских курсов» для подготовки проповедников, на которых проходили обучение не только меннониты, но и баптисты и евангельские христиане из «русских» общин ближайших губерний. Так как эта деятельность была признана несоответствующей уставу Общества, а курсы - нелегальной деятельностью, то общество было закрыто, а их преподаватель – известный меннонитский общественный деятель и историк П.М. Фризен в очередной раз попал под наблюдение полиции³⁵.

Результаты этого расследования были доложены министру внутренних дел и вместе с другими материалами привели к тому, что 31 марта 1910 г. был издан новый циркуляр министра внутренних дел о богослужебных и молитвенных собраниях и съездах сектантов и правила их проведения, которыми предписывались новые специальные правила о месте, времени, частоте и порядке их проведения³⁶. Ещё более жёсткие условия (наличие специального письменного разрешения губернатора на проведение каждого собрания) были поставлены новым циркуляром министра внутренних дел от 4 октября 1910 г. Согласно этому циркуляру отныне разрешалось проводить молитвенные, организационные и прочие собрания только зарегистрированным общинам в специально отведённых зданиях (молитвенных домах). О часах их проведения должна быть уведомлена местная полицейская власть. Для проведения же неординарных собраний (съездов) вне этих зданий, до-

³² История евангельско-баптистского движения в Украине. С. 211.

³³ Там же. С. 211.

³⁴ Киевский вестник. 1910. № 31.

³⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 1043. Л.10–11.

³⁶ История евангельско-баптистского движения в Украине. С. 221–222.

пускавшихся только в районе действия каждой общины, необходимо было за две недели оформить письменное разрешение местной полиции. В нём надо было указать точное время, место и цель данного собрания, так как на его заседаниях должен присутствовать официальный наблюдатель от гражданских властей. Легальное проведение несанкционированных собраний, таким образом, становилось фактически невозможным. Также, согласно этим правилам, налагались жесткие ограничения на присутствие и участие в данных собраниях иностранных подданных³⁷.

Введение этих правил немедленно создало массу серьезнейших проблем для нормальной жизни религиозных объединений нецерковного типа, ибо они фактически означали необходимость перерегистрации всех существующих общин меннонитов, баптистов, евангельских христиан, адвентистов и пр. Даже у староменнонитских общин, не имеющих собственные молитвенные дома и традиционно проводящих свои богослужебные собрания в помещении сельских школ или начальных училищ (как, например, у меннонитов г. Екатеринослав) возникли определенные трудности в организации своей церковной жизни, связанные с необходимостью получения на это специального разрешения полиции и губернатора³⁸. Беспрецедентное вмешательство государства в религиозные дела меннонитов становились столь масштабными, что они вынуждены были забыть все свои межконфессиональные распри и 26–27 октября 1910 г. собраться в к. Шензее на Молочной на свою первую всероссийскую конференцию, чтобы обсудить «разъяснения некоторых пунктов «Кратких пояснений» к Законопроекту о религиозных обществах и общинах». Также меннониты с нарастающей тревогой следили и за развитием дискуссий в Думе по вопросу о всеобщей воинской повинности, резонно видя в них явную тенденцию к наступлению правительства на религиозные права меннонитов в числе прочих религиозных пацифистов в империи³⁹.

В целом, уже с конца 1910 – начала 1911 гг. началось общее наступление правительства на «дарованную навечно» религиозную свободу в условиях общего укрепления режима и усиления реакции. Одновременно произошла и определенная активизация деятельности противосектантской православной миссии. Баптисты и адвентисты всё чаще стали преследоваться жандармами по подозрению в политической неблагонадежности и симпатиям к социалистическим идеям⁴⁰. С другой стороны, существенно сократилась поддержка российских баптистов и адвентистов из-за рубежа, ибо их единоверцы стали искренне считать, что после Манифеста 17 октября 1905 г. в Российской империи наступила полная свобода совести и прекратились преследования⁴¹. Поэтому часть верующих пыталась уйти от все более усиливающегося давления путем эмиграции за рубеж (в Америку) или переселением на Восток в связи с проведением столыпинской аграрной реформы. Они участвовали в ней тем более охотно, что нередко «русские» баптисты переселя-

³⁷ История евангельско-баптистского движения в Украине. С. 222–224.

³⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1043. Л. 16–17; *Безносова О.В.* О чем умолчал П.М. Фризен? Меннониты и Православная церковь в царской России. 1860–1917 // Вопросы германской истории: Зб. наук. пр. / Редкол.: С.Й. Бобилева (видп. ред.) та ин. Д., 2006. С. 29.

³⁹ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 426.

⁴⁰ Центральный державний історичний архів України в м. Київ (далее – ЦДИА УК). Ф. 313. Оп.2. Спр. 2327.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1909 г. Д. 85. Л. 16.

лись на новые земли в Поволжье и Сибири вместе с материально поддерживающими их единоверцами - братскими меннонитами⁴².

Так же, в 1912 г., как отмечают многие исследователи, ещё более усилились разного рода стеснения и преследования на местах против новообращенных из православия, что не в последнюю очередь объяснялось опасениями духовенства и властей по поводу стремительного роста численности неопротестантских общин. Вышедшая в предыдущем, 1911 г. небольшим тиражом в типографии МВД книга известного С.Д. Бондаря «Современное состояние русского баптизма»⁴³, обращавшая особенное внимание на международные связи баптистов и их сотрудничество с братскими меннонитами, сыграла важную роль в формировании мнения правительства относительно направления дальнейшего построения взаимоотношений с баптистами и евангельскими христианами⁴⁴. Также, на основании собранных в предыдущие годы сведений многие епархии издали свои справочные книги, в которых были систематизированы и опубликованы данные и о количестве «сектантов» в каждом приходе. Полученная информация способствовала усилению контроля как со стороны властей, так и активизации деятельности православной противосектантской миссии.

Отмеченные тенденции ещё более усилились в следующем 1913 г. Собрав информацию о баптистах (и евангельских христианах) и адвентистах, правительство пошло в широкое наступление на их конфессиональные и гражданские права⁴⁵. Чтобы как-то противостоять усиливающемуся давлению делегация баптистов в марте 1913 г. обратилась в Совет министров. Его председателю В.Н. Коковцеву была высказана жалоба на притеснения и преследования в делах веры со стороны разных административных лиц. Было заявлено о закрытии молитвенных домов в ряде городов и других населенных пунктах. При этом было отмечено, что за последние три месяца было закрыто общин больше, чем за предыдущие семь лет со времени издания Указа от 17 октября 1905 г. Не разрешалось проведение съездов, запрещалась и всячески препятствовалась миссионерская работа⁴⁶.

Все эти хлопоты и заявления привели лишь к временному и незначительному послаблению, ибо в условиях неумолимо надвигающегося военного конфликта с Германией представители жандармерии и полиции самыми опасными идеологическими противниками считали именно меннонитов и баптистов, чья пропаганда насилия особенно усилилась в войсках после 1905 г. Именно эту особенность их убеждений обращало внимание гражданских властей православное духовенство, всячески подчеркивая опасность увеличения численности меннонитов, баптистов и адвентистов для устоев российского государства. Так, обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер уже 18 июля 1913 г. писал в личном письме начальнику Департамента полиции С.П. Белецкому следующее: «Русские сектанты подпадают под влияние, по религиозным убеждениям не признающих воинской повинности меннонитов»⁴⁷. Далее, не смотря на то, что в революцию и последующие годы баптисты и адвентисты проявили себя вполне лояльными государству гражданами, он сообщил в том же письме, что «вообще, антимилитаристические учения, социал-

⁴² Савинский С.Н. Указ. соч. С. 255–256.

⁴³ Бондарь С. Д. Современное состояние русского баптизма. СПб., 1911.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1913 г. Д. 85. Л. 12–16.

⁴⁵ Христианин. 1913. Апр.

⁴⁶ Савинский С.Н. Указ. соч. С. 307.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1913 г. Д. 85. Л. 235об.

демократические и революционные тенденции достигли настолько прочного положения в религиозных понятиях русских сект, что можно будет считать эти отрицательные явления тесно связанными с их вероисповедными доктринами. Исключение в этом отношении может представлять антимилиитаристическая пропаганда меннонитов, находящая объяснение в особенностях их вероучений»⁴⁸. Кроме того, духовное ведомство обращало особое внимание политической полиции (жандармов) на международные связи баптистов и адвентистов, особенно с единоверцами из Германии; отмечая, в свою очередь, что «в целях преградить антигосударственной пропаганде доступ в сектантскую среду в настоящее время вырабатывается особое положение о сектантских общинах и религиозных собраниях, в котором проектируется наделить представителей правительственной власти большими полномочиями по надзору за сектантством и борьбе с противогосударственными течениями этих сект. Вместе с тем мною предложено возбудить ходатайство перед Господином Министром Внутренних Дел о командировании одного из чиновников подведомственного мне Департамента за границу, в целях собрать материалы о влиянии иностранных организаций на развитие сектантства в России»⁴⁹. Подстрекаемый таким образом православным духовенством Департамент полиции еще более усилил нажим на последователей неправославных нецерковных конфессий. Уже 31 июля 1913 г. секретным циркуляром Департаментом полиции за № 102631 было предписано жандармским управлениям исследовать вопрос о том, насколько в вероучениях сектантов заключаются революционные лозунги, а в их действиях – угрожающие государственному и общественному порядку проявления»⁵⁰. В результате проведенного жандармами расследования правительство пришло к следующим выводам: «Не подлежит сомнению, что между разрушительными стремлениями революционеров и колебаниями устоев господствующей в России Православной Церкви существует тесная связь, так как и те и другие усилия в конечном результате направляются к единой цели – ниспровержение существующего в Империи строя»⁵¹. Одновременно правительством уже в 1912–1913 гг. велась работа по выработке новых правил, ещё более ограничивших религиозные и гражданские права нецерковных христианских конфессий.

Положение к худшему особенно резко изменилось с началом 1 мировой войны 19 июля (1 августа) 1914 г., ибо стали неуклонно преследоваться представители всех пацифистских вероучений. Активная гражданская и миссионерская позиция протестантов-пацифистов не могла не тревожить правительство. И хотя корреспондент журнала евангельских христиан «Слово истины» вопрошал с гневом: «Итак, я хотел бы прямо подойти к разрешению этого важного и для баптистов, а также и для русского народа вопроса и спросить наших обвинителей о предательстве своего Отечества: сколько русским правительством и православными миссионерами было поймано баптистов как предателей Отечества? ... Сделал ли кто-нибудь из них что-нибудь такое, что привело бы русскую армию к разгрому?»⁵², у тайной полиции империи было, что ответить на эти вопросы. В ее архивах до сих пор хранятся документы, подтверждающие факты не только активно проводив-

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1913 г. Д. 85. Л. 238.

⁴⁹ Там же. Л. 238об.

⁵⁰ Евангельское движение в Российской империи (1850–1917): Екатеринославская губерния... С. 199.

⁵¹ Там же. С. 199–200.

⁵² Савинский С.Н. Указ. соч. С. 309.

шейся в действующей армии и госпиталях антимилитаристической пропаганды, но и реальных случаев дезертирства с фронта или добровольной сдачи в плен из-за религиозных (пацифистских) убеждений⁵³. Поэтому, не смотря на самоотверженную работу баптистов и адвентистов в госпиталях и их посильную материальную помощь фронту, все же можно с уверенностью утверждать, популяризация их идей сыграла свою определённую роль в идейной деморализации и развале русской армии в 1917 г. Поэтому дальнейшая политика правительства была направлена на постепенное урезание религиозных прав всех пацифистов, вне зависимости от их происхождения и национальности.

Кроме того, власти обратили особое внимание на баптистов и адвентистов как на представителей так называемых германских исповеданий. К ним относили даже католиков, состоявших в большинстве своем в Российской империи (за исключением польских губерний) из этнических немцев. И если отношение правительства и православного духовенства к «природным русским» пацифистам – молоканам и духоборам к началу XX столетия всё же значительно смягчилось, то российских неопротестантов, уже с момента зарождения их первых общин, обвиняли в симпатиях к Германии. Поэтому 11 октября 1914 г. Департамент духовных дел МВД разослал через Отдельный корпус жандармов всем губернаторам секретный циркуляр № 8383, в котором предписывалось следующее: «Находя, что в настоящее время, в виду открытия военных против Германии действий, представляется необходимым строгий надзор за направлением деятельности пасторов, по слухам нередко относящихся с полным сочувствием к нашим врагам и открыто высказывающим свои симпатии пангерманизму и германофильские тенденции, покорно прошу Ваше Высокопревосходительство своевременно доводить до сведения Министерства по Департаменту духовных дел о всех вообще неблагоприятных поступках протестантского духовенства в пределах вверенной Вам губернии»⁵⁴. Таким образом, под плотное и недоброжелательное наблюдение сразу же попали лютеране и реформаты, а также меннониты, баптисты, адвентисты и евангельские христиане всех национальностей. Одновременно екатеринославским губернатором В.А. Колобовым (решение которого позднее поддержал своим прямым предписанием главноначальствующий Одесским военным округом М.Е. Эбелов) было запрещено разговаривать на немецком языке в общественных местах (даже проводить богослужения), а мужчинам немецкой национальности собираться более трех человек⁵⁵. Кроме того, была закрыта вся пресса выходящая на немецком языке и запрещено получать издания на этом языке из-за границы.

Однако наиболее сильные гонения обрушились всё же против «русских» баптистов и адвентистов. Так, 7 декабря 1914 г., во время ночного обыска были арестованы и позднее высланы из Одессы в Енисейскую губернию проповедники и пресвитеры пяти немецких и русских общин баптистов, еврейских евангелистов и

⁵³ Евангельское движение в Российской империи (1850–1917): Екатеринославская губерния... С. 209, 226; ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1913 г. Д. 85. Л. 116–117; Оп. 1915 г. Д. 85. Л. 75об; ЦДИА УК. Ф. 274. Оп. 1. Спр. 3134; Оп. 4. Спр. 457; Ф. 279. Оп. 1. Спр. 2268; Ф. 315. Оп. 4. Спр. 24; Ф. 1335. Оп. 1. Секр. часть. Спр. 1968; Ф. 1152. Оп. 1. Спр. 336; Ф. 1335. Оп. 1. Спр. 972.

⁵⁴ ЦДИА УК. Ф. 274. Оп. 4. Спр. 457. Арк. 101–101зв; Ф. 1335. Оп. 1. Секр. часть. Спр. 1968. Арк. 276–276зв; Ф. 1335. Оп. 1. Спр. 972. Аарк. 163–163 зв.

⁵⁵ Держаний архів Запорізької області. Ф. 59. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 63–65 зв; *Курило О.В.* Указ. соч. С. 101.

адвентистов в Одессе и других местах⁵⁶. 20 января 1915 г. агентами Донского жандармского управления был арестован в Ростове пресвитер местной адвентистской общины Гондар, у которого изъяли всю переписку общины и месячный финансовый отчет. Поученная в ходе допроса у него информация о том, что все эти деньги отсылаются в Германию, стала поводом для ареста полицией 27 февраля пресвитеров одесской адвентистской общины И.М. Горелика и И.Г. Жаака, а в Мариуполе – П.И. Манжуры. Так как значительная часть их переписки была на немецком языке, приговор был предreshen – высылка в Енисейскую губернию или за пределы России. Закрыта была также и адвентистская община в Риге. Возникли проблемы и у общины адвентистов в Харькове и их пресвитера А. Рейфшнейдера, который имел тесные дружеские связи с мариупольскими адвентистами и главой Европейского униона адвентистов (с центром в Гамбурге) Л. Конради⁵⁷. Апогей антигерманской и антипротестантской кампании пришелся на 1915 г., когда были закрыты немецкие и русские баптистские и адвентистские общины в Харькове, Севастополе, Екатеринославе, а из Херсонской губернии был выслан в Поволжье и Сибирь целый ряд лютеранских и католических священников⁵⁸.

5 марта 1915 г. Департаментом полиции был разослан начальникам жандармских управлений новый секретный циркуляр № 167126, в котором в связи с тем, что «в возникших в Западной Европе и распространённых в России германскими проповедниками лжеучениях адвентистов и штундо-баптистов настолько сильно сказывается влияние Германии, что означенные секты, в особенности же баптистская, являются, в сущности как бы рассадником германизма в России. Такое направление баптистов обращает на себя внимание, что последователи этой секты одновременно высказывают явственно отрицательное отношение к России... надлежит [также] особо отметить свойственную этому вероучению идею о недопустимости даже на войне действовать оружием против неприятеля. В виду того, что идея эта в корне подрывает всю систему государственной обороны, нельзя не признать, что баптизм, по условиям переживаемого ныне Россией момента, представляется одним из наиболее вредных сектантских учений»⁵⁹. Поэтому предписывалось «сектантов вышеуказанных толков и особливо баптистов, держать их на учете и установить наблюдение за их деятельностью, поскольку она является революционной, а, по обнаружению с их сторон опасных для государственного порядка деяний, пресекать таковые имеющимися в Вашем распоряжении мерами, с доведением о сем до сведения Департамента»⁶⁰. Таким образом, в годы войны главной действующей силой в борьбе с легально действующими протестантскими общинами стали уже не православные миссионеры, чьи силы значительно ослабели с уходом многих из них в действующую армию, а полицейские и жандармские чины. Немедленно началась работа по выявлению составлению поименных списков членов баптистских и адвентистских общин, а также сбор данных о руководителях (пресвитерах и проповедниках) этих общин. Вскоре после этого начались обыски,

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1915 г. Д. 85. Л. 77, 78.

⁵⁷ Там же. Л. 12–13, 40–42; ЦДИА УК. Ф. 313. Оп. 2. Спр. 3125. Арк. 63–64.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1915 г. Д. 85. Л. 40–302; Оп. 1915 г. Д. 167. Ч. 51. Л. 3об; *Курило О.В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.)... С. 101–102; *История евангельских христиан-баптистов в СССР.* С. 160–162.

⁵⁹ *Евангельское движение в Российской империи (1850–1917): Екатеринославская губерния...* С. 200.

⁶⁰ Там же.

аресты и преследования этих лиц⁶¹. В конце 1916 – начале 1917 г. органами полиции также предполагалось продолжить практику ссылок религиозных деятелей⁶².

Жёсткое давление, оказываемое правительством, недоброжелательность и озлобление со стороны православного населения привели к тому, что жизнь многих протестантских общин к концу 1915 г. была практически парализована. Поэтому, когда правительство разослало жандармским управлениям секретную телеграмму № 976 с требованиями предоставить отчёт о политических и социальных настроениях на местах, многие начальники жандармских управлений констатировали, что население всячески поддерживает идею ликвидации немецкого землевладения, а распространение баптизма и адвентизма замерло в связи с недоверием населения к распространяемому ими «немецкому духу»⁶³. В дальнейших планах правительства было вынесение в 1917 г. на обсуждение в Думу законопроекта, резко ограничивавшего права протестантских нецерковных общин и сводящего статус даже меннонитов до «терпимой секты».

Дав в 1903–1906 гг. надежду установление религиозной свободы и проведение демократических реформ, правительство постепенно сделало все, чтобы как можно сильнее сивелировать завоевания буржуазно-демократической революции. В отношении нецерковных протестантских конфессий правительство придерживалось громко задекларированных им «начал действительных гражданских свобод» очень короткий период – во время развития революции 1905–1907 гг. Однако в условиях её спада начало серьёзную подготовку для того, чтобы уже в 1910 г. постепенно перейти ко все более жёсткой и нетолерантной конфессиональной политике по отношению к неправославному христианскому империи населению.

Таким образом, существование «альтернативных» религиозных общин в государстве, идеологически ориентированном на определённую церковь (каковым была и Российская империя), находилось в прямой зависимости от текущих политических интересов этого государства. Вне зависимости от исповедуемых ими доктрин, неодобряемые государственной церковью религиозные общины рассматривались, как правило, в качестве внутреннего врага, что исключало всякую возможность толерантной конфессиональной обстановки внутри подобного государства.

Литература:

- The Mennonite Encyclopedia. A Comprehensive Reference Work on the Anabaptist-Mennonite Movement. Mennonite Publishing House, Scottsdale, Pa., 1955. In 4 Vols.
- Безносова О.В. О чем умолчал П.М. Фризен? Меннониты и Православная церковь в царской России. 1860–1917 // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / Редкол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Д., 2006.
- Бондарь С. Д. Современное состояние русского баптизма. СПб., 1911.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1915 г. Д. 85. Л. 213–214; ЦДИА УК. Ф. 313. Оп. 2. Спр. 3125. Арк. 6–7 зв, 24, 28, 45–49.

⁶² ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1915 г. Д. 167. Ч. 75. Арк. 15–16; ЦДИА УК. Ф. 313. Оп. 2. Спр. 3125. Арк. 47. Спр. 3235. Арк. 77.

⁶³ ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1915 г. Д. 167. Ч. 23. Л. 2; ч. 51. Л. 75об, 158; ч. 74. Л. 8; ч. 89. Л. 36об.

-
- Извольский П.* Справка к представлениям министра в д о свободе веры // Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В.Вернадського. Ф. XIII. Спр. 6183.
- Курило О.В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.). М.; World Wide Printing, 2002.
- Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М.; World Wide Printing, 2003.
- Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001.
- Любащенко В.І.* История протестантизму в Україні: Курс лекцій. Львів, 1995.
- Фёдоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М. 2003.

O.V. Beznosova

**THE KONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
ON THE PROTESTANTS. 1903-1917**

Summary

The article is devoted on a confessional policy of the imperial government on the Protestants after a revolution of the 1905-1907 and general features of its realization. A factual curtailment of the policy of religious tolerance after 1910 was proved on the basis of archival sources.

Keywords: the Russian empire, confessional policy, Baptists, Mennonites, Evangelical Christians, Adventists, a revolution of the 1905-1907, anti-German company, tolerance, freedom of conscience
